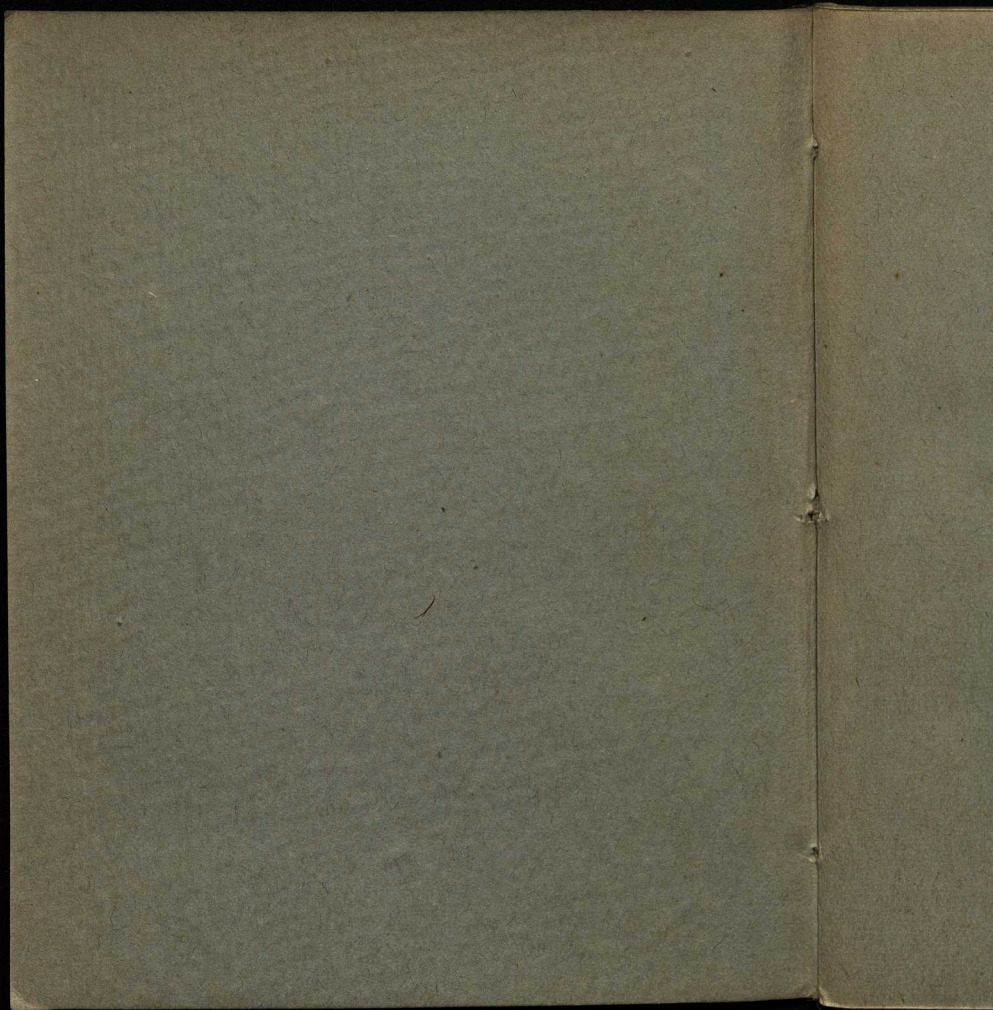
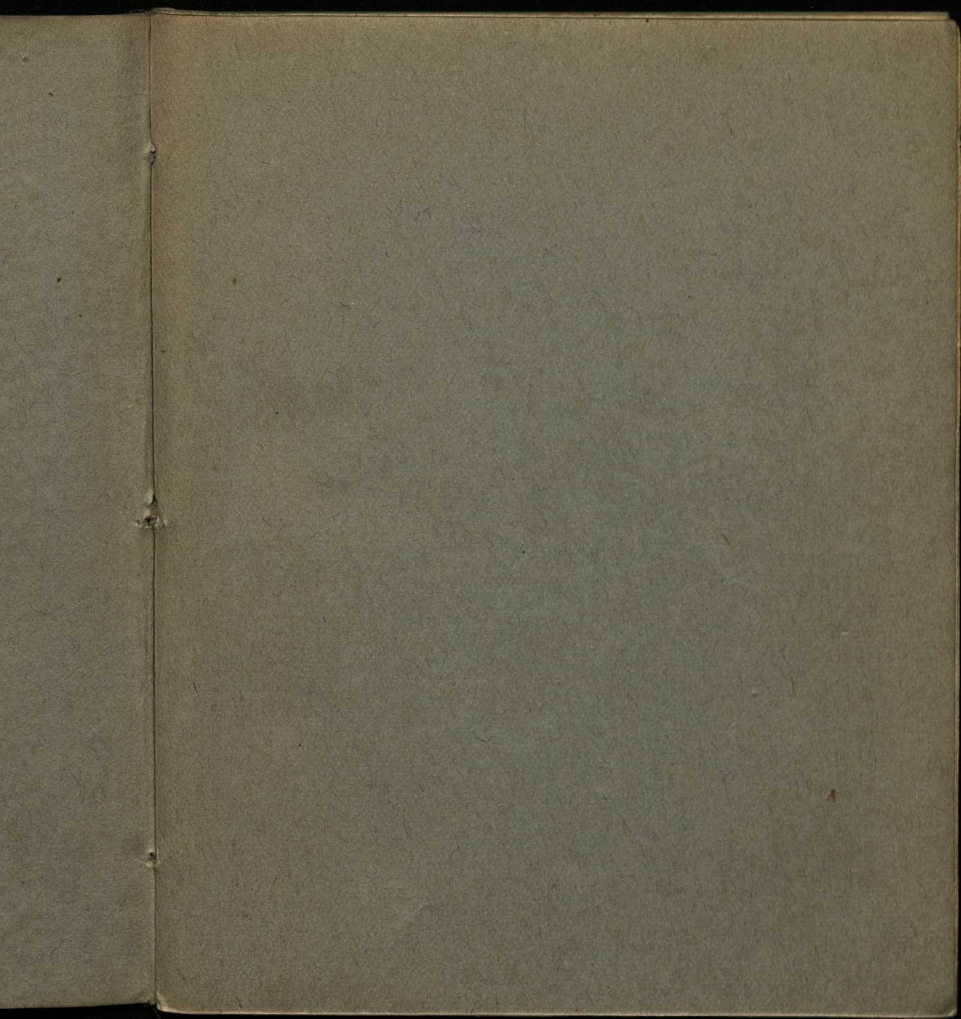

9 21
1289

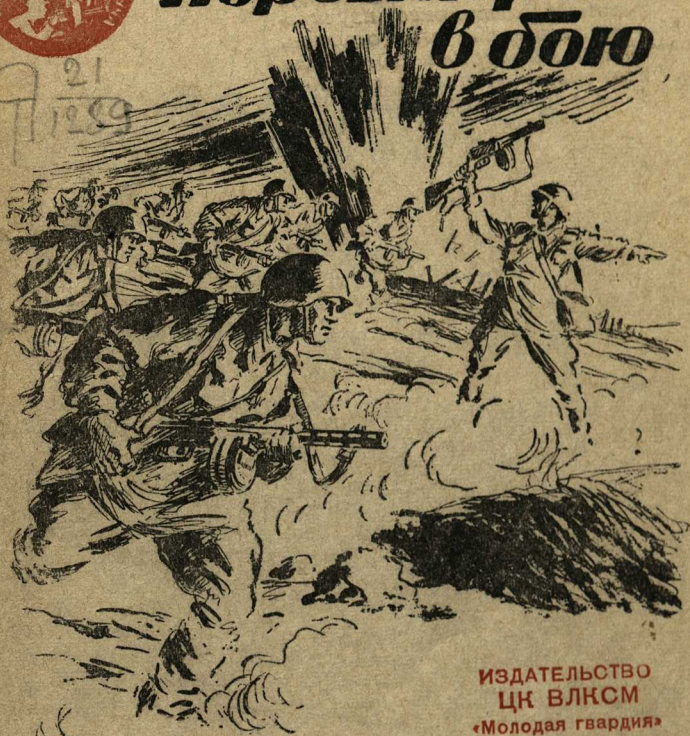
21
1129

Первый раз в бою

21
1943

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1943

*...учиться военному делу,
учиться настойчиво, изучить
в совершенстве свое оружие,
стать мастерами своего дела,
и научиться, таким образом,
бить врага наверняка.*

СТАЛИН

Печати.
Листов

3

записка 8/08/82

КНИГА ИМЕЕТ:

Печатн. листов	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служ. сбн. №№	№№ списка и порядковый	1947 г.
----------------	--------	---------------------------------	--------	------	----------	---------------	------------------------	---------

3

X | 3881

1526

4 6 0 7 1 1 2 4 4 5 9 2 4 4

081-инс (вчидев) „Рипубл.“, 462/291
„оптмечц.“, 12-го вѣт. слобод

Р. 2017 г. 10.24.88

Р. 2017 г. 10.24.88

БИБЛ
Под р

В

3M

БИБЛИОТЕЧКА БОЙЦА ВСЕВОБУЧА
Под редакцией генерал-майора Н. Пронина

ПЕРВЫЙ РАЗ
В БОЮ

*Сборник
рассказов и очерков*

**Вступительная статья генерал-майора
Н. ПРОНИНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦЕ ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1948

ВНЕШНЕТОРГОВЫЙ БАНК РОССИИ
История развития в СССР и России

ПЕРВЫЙ КАЗ
Н БОЮ

43-15929

Все
вливают
сражают
щами на
ны. Заб
тылу ка
вички в
трениров
щение о
ми, иску
шистов.
Пере
ской зре
с врагом
часа каж
Как-то п
Какие чу

ВСТУПЛЕНИЕ

29

Все новые и новые пополнения бойцов вливаются в ряды Красной Армии, доблестно сражающейся с немецко-фашистскими полчищами на фронтах великой отечественной войны. Заботливо готовит наша страна в своем тылу кадры обученных воинов. Вчерашние новички в ратном деле, пройдя путь всеобуча и тренировки в резервных частях, получают крещение огнем и постепенно становятся умелыми, искусными, стойкими воинами, грозой фашистов.

Переломный момент на пути бойца к воинской зрелости — первый бой, первая встреча с врагом. С понятным волнением ждет этого часа каждый боец, отправляющийся на фронт. Как-то поведет он себя в обстановке боя? Какие чувства испытает он? Сумеет ли он с

честью оправдать доверие родины, вручившей ему оружие? Эти вопросы волнуют и тревожат каждого молодого бойца.

Разнообразны переживания человека в первых боях. Невозможно раз навсегда ограничить их определенными рамками. Многое зависит от выучки бойца, от обстановки боя, от того, насколько глубоко в бою сознание воинского долга перед родиной, сознания, помогающего в самые суровые минуты опасности собрать в себе внутренние силы, волю и действовать с нужным хладнокровием и спокойствием. Как бы ни отличались, однако, переживания бойцов в первом бою, все же некоторыми своими чертами эти чувства сходны. Зная, какие испытания ждут его на поле сражения, боец-новичок сумеет лучше подготовиться к первой встрече с врагом, быстрее и легче освоиться с условиями фронтовой жизни.

В этой книжке собрано несколько рассказов и очерков фронтовых корреспондентов наших газет. Все они посвящены одной теме—какие чувства испытывает новичок в первых боях, как он становится настоящим воином, какой путь он проходит от своего ратного крещения огнем до боевой зрелости.

Не у всех путь этот прямой и простой. У много сказывается сначала отсутствие собранности в характере, проявляется расхлябанность, недостаток воли; другой, невнима-

тельно
вынужд
ке в ст

Сов
вались
отверж
массов
В огне
ся добл
в перв
боец, н
рактик
Волнен
его по

«Ко
ков в
потеря
Горбат
боец...»

«Сп
и стра
очерке

«В
ство то
делает
сразу т
дение и

Рас
нечно,
хотя бы
ку пони

тельно относившийся к военной подготовке, вынужден восполнять пробелы в своей выучке в суровой боевой обстановке.

Советские люди и в мирные годы воспитывались в духе глубокого патриотизма и самоотверженного служения родине. Героизм стал массовым явлением в отечественной войне. В огне войны из бойцов-новичков выковываются доблестные, не знающие страха воины. Но в первом бою, как бы ни был хорошо обучен боец, как бы ни был тверд и крепок его характер, он проходит величайшее испытание. Волнение связывает в той или иной степени его поведение на поле сражения.

«Когда в первый раз попал Алексей Куликов в бой, он не то чтобы струсил, а просто потерялся», пишет о переживаниях бойца Борис Горбатов в своей повести «Алексей Куликов, боец...»

«Сперва все казалось Канаеву непонятным и страшным», читаем мы о другом бойце в очерке Вас. Гроссмана «Бывалый боец».

«В первом бою человек испытывает чувство тоски. Это чувство подавляет, изнуряет, делает беспомощным; избавиться от него сразу трудно», замечает автор рассказа «Рождение воина» Вадим Кожевников.

Растерянность, беспомощность — это, конечно, не трусость. Но и эти чувства могут хотя бы и на короткое время помешать новичку понимать обстановку боя и правильно, уве-

ренно действовать. Задача каждого воина, идущего в первый бой, — подготовить себя к преодолению этой растерянности.

«Бой — самое большое испытание моральных, физических качеств и выдержки бойца», говорит наш «Боевой устав пехоты».

Сурова действительность боя. Шквал огня, ожидание еще неизведанных опасностей рождают в бойце страх. Необстрелянный новичок склонен преувеличивать опасность. «...От каждого выстрела вздрагивал, каждому снаряду кланялся и все смерти ждал», рассказывает Борис Горбатов об Алексее Куликове. «Фронт так же ошеломил Василия Еремина, как ошеломляет всех. Как и другим, во время первого артиллерийского обстрела трудно ему было подняться с земли, хотя снаряды рвались не очень близко», говорится в очерке «Хозяин поля битвы» С. Крушинского. Но стоит только бойцу убедиться, что страх и опасность преувеличены, первое волнение проходит, к бойцу возвращается способность хладнокровно оценивать окружающую обстановку.

Огромное значение в бою оказывает на новичка спокойствие и выдержка товарищей, опытных бойцов и командиров. Спокойствие соседа передается и новичку. Облик такого боевого командира удачно обрисован в очерке «Огневое крещение». Лейтенант Лашенко во время ураганного обстрела противником наших позиций заметил волнение в окопе, в котором

находил
подняло
из бойс
та, его
вдруг в
ствие. Н
же чел
рить, п
прижав
шивалс
«Не мо

Еще

ет спо
бываль
жие —
обстре
щим в
владе
укрепл
редко
винтов
нуется
лил из
Но во
шены
вал с
охраня
ею — к
паснос
огнем
мишен

находились бойцы нового пополнения. Он приподнялся в своем окопе, попросил у одного из бойцов спички и закурил. «Лицо лейтенанта, его спокойные, неторопливые движения вдруг вселили в бойцов уверенность и спокойствие. Всем стало как-то стыдно. Ведь может же человек в самом вихре огня спокойно курить, поглядывая на степь. А сам ты сидел, прижавшись к земле, на дне окопа, прислушивался к каждому свисту мины и думал: «Не моя ли это?»

Еще большее влияние на новичка оказывает спокойствие, с каким действуют в бою бывалые воины своим оружием. Вера в оружие — вот что дает уверенность и даже необстрелянного новичка делает в бою настоящим воином. Именно боевая выучка, умение владеть оружием больше всего способствуют укреплению моральной твердости бойца. Нередко новичок, даже неплохо владеющий винтовкой, действует ею неуверенно. Он волнуется. Тот же Алексей Куликов сначала палил из своей винтовки, плохо разбирая цель. Но вот он видит, как ружейным огнем отброшены назад атакующие немцы. Он почувствовал силу оружия. Винтовка разит врага и охраняет жизнь бойца. В умение владеть ею — ключ к боевым успехам и личной безопасности. «Трус и с винтовкой безоружный. Он огнем на огонь не отвечает. Он не воин, он — мишень», размышляет теперь получивший бое-

вую закалку Алексей Куликов. Полюбил, как лучшего и верного друга, винтовку и боец Канаев (очерк Вас. Гроссмана «Бывалый боец»). «Он долго и тщательно чистил свою винтовку, щелкал затвором, прищурившись, заглядывал в канал ствола. А потом, уже укладываясь спать, он все время ощупывал ее и бормотал: «Важная мне винтовка досталась, теперь до конца войны со мной воевать будет». Он почувствовал к ней уважение и нежность, какие из поколения в поколение передавались в его роду к орудиям труда: топору, пиле, плугу».

В чем основное отличие бойца, умеющего владеть оружием? На поле боя он действует почти автоматически: винтовка, пулемет, миномет как бы сливаются с ним. Все движения настолько отработаны, что он не затрачивает на них ни секунды лишней, все свое внимание устремляет на поле боя. Такой боец не растрачивается, во-время пустит пулю во врага. Для такого бойца степень опасности в сражении уменьшается во много раз.

Автоматизм в обращении с оружием приобретает еще во время учебы. На поле боя уверенный в своем оружии воин лишь применяет полученные раньше навыки. Учиться приемам стрельбы в бою поздно. Сколько бойцов нового пополнения словами благодарности вспоминают инструкторов всеобща, давших им настоящее умение обращаться с оружием! Первый же удачный выстрел по врагу изго-

няет о
тверду
ров го
основа

Нар
бойцу
первых
таемые
том чис
ся, иск
Привив
же сра
сто, ув
обстано
мым дл
боя он

Овла
димыми
со стра
почувст
его не
станет
ле перв
завоует
диров.
бывало
другие,
дается
ству, ко
нам. Так
в очерке

Первый раз

няет остатки страха, рождает силу, укрепляет твердую надежду на себя. Еще великий Суворов говорил, что «надежность на себя — основание храбрости».

Наравне с верой в силу оружия помогают бойцу преодолевать свою растерянность в первых встречах с врагом навыки, приобретаемые еще во время учебы и тренировки, в том числе умение окапываться и маскироваться, искусно переползать и делать перебежки. Прививший себе эти навыки боец в первых же сражениях будет инстинктивно сноровисто, уверенно приспособляться к местности и обстановке боя. Такой боец станет неуловимым для врага, в самую напряженную минуту боя он примет правильное решение.

Овладевший военными знаниями и необходимыми навыками боец быстрее разделается со страхом и беспомощностью. Он быстрее почувствует свою силу вооруженного воина, его не запугает вражеская техника, он скоро станет настоящим хозяином поля битвы. После первого же ратного крещения такой боец завоеует уважение товарищей и доверие командиров. Из новичка он скоро превратится в бывалого воина, по нему станут равняться другие, он не будет знать страха, целиком отдастся боевому азарту, «веселью боя» — чувству, которое хорошо знакомо опытным воинам. Таким бойцом стал и Еремин, описанный в очерке С. Крушинского, и Куликов — Бориса

Горбатова и Канаев — Вас. Гроссмана. «При-
слали в батальон пополнение — молодых ре-
бят, — пишет Вас. Гроссман. — Столкнувшись
с молодыми, Канаев понял, что он уже старый
боец, хладнокровный, опытный. Сколько заме-
чательных знаний оказалось у него! Как-то
само собою получилось, что Канаев превратил-
ся в роте как бы в учителя, советчика».

Есть еще одна сила, помогающая новичку-
воину в преодолении первых трудностей фрон-
товой жизни. Это — могучая сила воинского
товарищества. О значении ее рассказывает
Вадим Кожевников («Рождение воина»).

Тарасюк, попав в действующую часть, по-
чувствовал одиночество. Неопытный, вместо
того, чтобы искать поддержку в товарищах,
он оградился от них, ушел в себя. Он допуска-
ет оплошность за оплошностью в боях. Тара-
сюк не был трусом, он был солдатом, не
прошедшим еще воинского воспитания. Он
не вошел в полковую семью и стал нелю-
бимым всеми. Одиночество подавляло его.
Оно порождало неуверенность. Но вот пред-
ставился случай, и Тарасюк отважно выполня-
ет боевое задание. И сразу все меняется.
Преображается и он сам. В этот день родился
в нем настоящий воин. Это признано боевыми
товарищами. Отныне Тарасюк становится гор-
достью всего подразделения.

«Есть одна простая мера отношения чело-
века к человеку на войне. Эта мера воздается

воински
сказа
ведливе
дишь е
твоей го
свете и

Прих
семья в
В перво
чувству
беспомо

Безн
его поло
лестело,
Борис П
кто-то
но. Кул
открыл,
небе на

Тепе
прислу
и ушей
заставл
он, ког
больше
вилось
Больше
поле...»

Бое
силу м
Это со

воинским товариществом, — пишет автор рассказа про Тарасюка. — И нет ничего справедливей этой меры. Став солдатом, ты увидишь ее в большом и малом, и будет она твоей гордостью, любовью, совестью, всем на свете и дорожке жизни».

Приходящего в часть новичка дружная семья воинов окружает заботой и вниманием. В первом же суровом ратном испытании боец чувствует «локоть» товарища. Он вовсе не беспомощен и не одинок на поле битвы!

Безнадежным казалось Алексею Куликову его положение в урагане огня. «...Вдруг прошестело, зашумело вокруг, — рассказывает Борис Горбатов. — «Наши, наши летят!» — и кто-то рядом вздохнул облегченно и радостно. Куликов не сразу открыл глаза, а когда открыл, увидел над головой небо... И в этом небе наши били немцев, выручали Куличка...

Теперь Куликов стал присматриваться и прислушиваться к бою. Глаз уже не закрывал и ушей не прятал. Раньше каждый выстрел заставлял его вздрагивать, теперь различал он, когда бьют немцы, когда наши. И чем больше и чаще били наши, тем веселее становилось у Куликова на душе, и страх таял. Больше не был он одиноким на огромном поле...»

Боец чувствует в товарищеской поддержке силу могучей родины, стоящей за его спиной. Это сознание помогает ему овладеть собой в

боевом испытании, прогнать страх, вернуть душевное равновесие и сноровисто действовать своим оружием.

Чувство воинского долга сильнее всего. Жалок боец, если он мелкий страх свой в бою будет оправдывать недостатком в себе воли или тяжестью обстановки сражения. У него есть оружие, рядом с ним товарищи, им руководят в бою командиры, он выполняет святой долг перед родиной. И это сознание укрепляет его душевные силы, помогает с честью пройти все суровые испытания.

Путь к воинской зрелости и мужеству, к военному мастерству доступен каждому бойцу. Чтобы пройти этот путь быстрее, надо хорошо овладеть оружием, неукоснительно исполнять приказы командиров и все требования дисциплины, научиться различать настоящую опасность от мнимой и суметь преодолеть растерянность, вызываемую в первых боях необычной для новичка обстановкой.

Генерал-майор *Н. Пронин*

Рот
ма, пор
Это б
часть.

Пер
испита
смех з
место
позици

Ко
очень
начав
знал,
ту, к
шквал
неизве

ВАДИМ СОБЕО

ОГНЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Рота занимала оборону у небольшого холма, поросшего низким колючим кустарником. Это была новая, недавно сформированная часть.

Перед боем ребята волновались. Первое испытание. Некоторые пытались шутить, но смех звучал неестественно. Шутки уступали место напряженной сосредоточенности. На позиции рота вышла ночью.

Командир роты лейтенант Лащенко тоже очень волновался перед этим боем. Опытный, начавший воевать в первый день войны, он знал, как трудно пережить эту первую минуту, когда на тебя обрушивается страшный шквал огня и велед за этим огнем из дали, из неизвестности выползают тяжелые немецкие

танки, а за ними падающими и вновь подымающимися рядами идет пехота.

Лейтенант хорошо помнил день, когда впервые пришлось ему самому встретиться с немцами, хорошо помнил, какого напряжения нервов стоило ему сдерживать себя и не побеждать, когда к позиции подходила лавина немецких танков. Он хорошо понимал чувства молодых бойцов, понимал, почему так боязливо всматриваются они в ночную мглу, почему так прислушиваются к каждому шороху, к каждому отдаленному выстрелу.

Часы ожидания — самые тяжелые часы перед боем — тянулись нестерпимо долго. Бойцы колошились в своих окопах, прилаживали на брустверах оружие, маскировали пулеметы. Никто в эту ночь заснуть не мог.

Лашенко прошел на наблюдательный пункт командира батальона. Капитан Корниенко не спал. Он лежал в окопе, вырытом между двумя кустами. Перед ним стоял «максим». В темноте ночи пулемет казался большой черной птицей, присевшей на бруствер окопа.

— Не спят ребята, — сказал Лашенко, — волнуются перед боем.

— Я тоже волнуюсь, — совершенно спокойно сказал Корниенко. — Я очень за них волнуюсь. Как сейчас помню тот день, когда мне впервые пришлось в бой идти.

Они замолчали. Слышно было тихое шуршанье. Это бойцы еще глубже отрывали

окопы,
земле. П
роне то
надежн

— Р
комбату
там. Бо

— У
тихо от
Лаш

будто
его,—та

к перед
лись бо

шел не
лю пул

ро и
посматр

вся рот
может

его б
помнил

испыта
он тож

молоды
роткие
не выд
Пот
разбуд
в окоп
успоко

окопы, еще теснее, крепче прижимались к земле. Все знали, что в большом бою, в обороне только земля может дать настоящую, надежную защиту.

— Разрешите, — обратился Лашенко к комбату. — Я сейчас пройду к передним ребятам. Боюсь я за ребят.

— Хорошо. Только будьте осторожны, — тихо ответил Корниенко.

Лашенко исчез в темноте. Казалось, будто расступилась земля и вдруг поглотила его, — так неожиданно он скрылся. Он прошел к переднему краю, осмотрел, как расположились бойцы, проверил все окопы. Потом отошел немного назад, туда, где зарылись в землю пулеметчики с ручными пулеметами, быстро и ловко выкопал себе окоп и лег, поглядывая на ребят. Он понимал, что сейчас вся рота следит за каждым его движением, и может быть, именно поэтому все движения его были необыкновенно точны. Лашенко помнил, как еще в школе приходилось сдавать испытания своему командиру взвода. Сейчас он тоже сдавал испытание. На него смотрели молодые бойцы. Улыбка лейтенанта, его короткие слова, спокойные движения — ничто не выдавало беспокойства.

Потом лейтенант приказал наблюдателю разбудить его, как только начнет светать, лег в окопе и очень быстро заснул. Увидев это, успокоились и заснули многие бойцы.

На востоке, далеко за степями, стало синеть небо. Приближался рассвет, приближалось начало боя, и Лашенко проснулся. Казалось, будто он в самом деле хорошо поспал. Лицо его посвежело, глаза смотрели внимательно и весело, улыбка не сходила с больших выпуклых губ.

Рота скрылась под землей. Теперь, когда на востоке уже появились первые лучи солнца, ничто не могло выдать ее присутствия у этого бугра. Из своего окопа Лашенко мог видеть почти всех бойцов. Спереди, со стороны противника, они были невидимыми.

Он лежал на спине, лицом к небу, лежал, поглядывал на первые, необыкновенно красивые и яркие, лучи восходящего солнца. На мгновение он даже забыл о войне, настолько красивым было это переплетение разноцветных, отчетливо видимых лучей. В синее прохладное небо взлетел жаворонок. Он купался в розовом свете взошедшего солнца, он падал к земле и снова подымался в небо, и песня его удивительно гармонировала с движением огромных солнечных лучей.

Неожиданно пение жаворонка перешло в свист, и Лашенко сперва даже не мог понять, что случилось. Свист усилился, перешел в противный вой. Ошибки тут быть не могло — высокий разрыв мины вепыхнул вдруг неподалеку от бугра. Бой начинался.

Лашенко приподнялся. Он смотрел на своих

молодых
бят, ви
нему, у
больших
пов. По
Ребята
были оч
несколь
ливень.
ствие, т
ни один

И он
плетени
нувшей
пахли к
воздухе
ву, про
димые

Врем
Лашенк
держал
огня и
мог уви
держал

«Еш
ко, —
Он
ребят,
опасно
минут
бугре

молодых бойцов, на еще не обстрелянных ребятах, видел их лица, иногда обращенные к нему, угадывал короткие движения в глубине больших, закрытых густым кустарником окопов. Пока что немцы только пристреливались. Ребята держались хорошо, хотя некоторые были очень бледны. Лащенко знал, что через несколько минут начнется настоящий огневой ливень. Тогда нужно будет полное спокойствие, тогда нужно будет сделать так, чтобы ни один человек не вышел из окопа.

И огонь начался. Это было бешеное переплетение воя и грома, огня и черной, взметнувшейся в небо земли. Опаленные травы пахли кислым пироксилином. Гарь носилась в воздухе. Осколки сухо звенели, сбивая траву, просекая в кустарнике длинные, ясно видимые дорожки.

Время от времени, выглядывая из окопа, Лащенко следил за своими бойцами. Они держались хорошо. В этом водовороте грома, огня и красноватой глинистой пыли Лащенко мог увидеть то одно, то другое лицо. Бойцы держались.

«Еще несколько минут, — думал Лащенко, — и налет прекратится».

Он был очень доволен поведением своих ребят, и ему даже показалось, что главная опасность уже миновала. А минута шла за минутой, и все так же летели и рвались на бугре воюющие, звенящие мины.

И тогда Лашенко заметил резкое движение в одном из первых окопов. Какой-то боец, высокий, стройный парень с бледным, перекосившимся лицом, вдруг выскочил из окопа, сделал три шага назад и тут же упал, пронзенный острым осколком, упал на спину, широко вскинув руки, будто стараясь что-то схватить.

Лашенко посмотрел из стороны в сторону. В передних окопах угадывалось движение, а там должна быть полная тишина, почти полная неподвижность. И тогда лейтенант понял, что настало время действовать.

Он приподнялся в своем окопе ровно на столько, чтобы могли его видеть бойцы, спокойно осматрелся, вынул портсигар, взял папиросу, постучал по блестящей металлической крышке и юглянулся.

— Дайте-ка спичку, товарищ Громов, — сказал он, обращаясь к пулеметчику.

Лицо Громова было встревоженным, бледным, но, увидев спокойную улыбку командира, Громов тоже улыбнулся. Он достал из кармана спички, маленькую желтую коробочку, и бросил ее Лашенко.

А мины рвались на бугре, и осколки пролетали, стелясь по земле, но в эту минуту на них не обращали внимания. Все смотрели, как спокойно закурил Лашенко, как отдал он Громову спички.

Лицо лейтенанта, его спокойные неторо-

пливые
уверенно
стыдно.
вихре о
стель. А
на дне
му свист

Тепер
стыдно
посматр
стыдно,
тенанта.

— Л
сится го

— Л
шится с

— Л
сквозь
напряже

— Л
лось, ти

А ле
своем о
ки. Вокр
огня, но
страшны
себя спо

Неож
Огневой
на земл

пливые движения вдруг вселили в бойцов уверенность и спокойствие. Всем стало как-то стыдно. Ведь может же человек в самом вихре огня спокойно курить, поглядывая на степь. А сам ты сидел, прижавшись к земле, на дне окопа, прислушивался к каждому свисту мины и думал: «Не моя ли это?»

Теперь от этого чувства чуть стыдно, стыдно потому, что командир спокойно курит, поглядывая на степь. Но сейчас не только стыдно, — сейчас страшно за самого лейтенанта.

— Ложитесь, товарищ лейтенант, — доносится голос из окопа.

— Ложитесь, товарищ лейтенант, — слышится с другой стороны.

— Ложитесь, товарищ лейтенант, — тихо, сквозь зубы, весь дрожа от нетерпения и напряжения, говорит пулеметчик Громов.

— Ложитесь, товарищ лейтенант, — казалось, тихо приказывает все поле.

А лейтенант Лащенко спокойно курит в своем окопе и даже пытается пускать колечки. Вокруг все так же бушует шквал минного огня, но никому это не кажется уже столь страшным. Будто всю опасность принял на себя спокойный командир.

Неожиданно обрывается гром разрывов. Огневой налет кончился. Медленно оседает на землю взметнувшаяся к небу красная пыль.

Пожелтевшие сорванные листья с тихим шелестом опускаются на землю.

И тогда Лашенко улыбнулся. Первая победа уже одержана. Ребята прошли боевое крещение, великолепное крещение огнем. Теперь они не будут волноваться.

Лашенко улыбается, и улыбку эту видят все бойцы, и она сразу же отражается на многих лицах. Сейчас они очень горды, эти молодые, впервые пришедшие на поле боя войны. Первый экзамен они выдержали.

Немцы появляются в степи. Танки идут перед ними. Немцы уверены в своей силе. Ничто живое не может остаться на этом невысоком бугорке, где почти полчаса бушевал минный шквал.

Артиллерия бьет по танкам. Она бьет издалека. Танки останавливаются, но немецкая пехота все еще идет вперед. Она уверена в том, что пройдет. Ведь подкрепления не могли подойти на этот бугорок. Ведь минный огонь перенесен в глубину, и где-то далеко за позициями советской роты рвутся тяжелые мины.

Немцы бегут вперед, и тогда в тишине звучит короткое слово командира батальона:
— Огонь!

Кусты, травы, даже, кажется, сама земля вдруг вспыхивают яростным, неудержимым огнем. Это батальон капитана Корниенко встречает немцев, отражает первую атаку.

Бойцы
ходят ог
прицелив
выстрело
мецкая а

Прохо
полям бо
тает вве
изрытым
мецкими
чудесной

Кома
от окопа
ним, то
дят в со
ственным
лейтенан

А Ла
широкой
правильн
лым син

Алексей

...А

он — п

1 Гла

Бойцы стреляют часто и азартно. Они проходят огневое боевое крещение. Они бьют прицеливаясь, бьют наверняка, и с каждым выстрелом падает немец и захлебывается немецкая атака.

Проходит полчаса, и тишина повисает над полем боя. Маленький жаворонок снова взлетает вверх. Он летает высоко над огромным, изрытым глубокими воронками, покрытым немецкими трупами полем, и песня его кажется чудесной.

Командир роты Лашенко тихо переползает от окопа к окопу. Он разговаривает то с одним, то с другим бойцом. Сейчас ребята находят в себе силу даже посмеяться над собственным страхом. И все они гордятся своим лейтенантом.

А Лашенко снова закуривает и улыбается широкой, доброй улыбкой, и прозрачные, неправильные колечки дыма сплетаются с тяжелым синеватым дымом, ползущим над полем.

БОРИС ГОРБАТОВ

АЛЕКСЕЙ КУЛИКОВ, БОЕЦ...¹

Алексей Куликов побеждает смерть в своей душе

...А зовут его Алексей Куликов, и родом он — пензенский, служит бойцом в батальоне

¹ Главы из повести «Алексей Куликов, боец...»

старшего лейтенанта Субботина, тут его знают все.

Его призвали в армию в первый день войны, — родня и поплакать не успела. И когда полз эшелон по степям и равнинам, Куликов все думал о доме и хозяйстве. И была досада на немца: эх, напал не во-время! и урожай еще не сняли. И все подсчитывал трудодни и сколько теперь трудодней пропало. А война, казалось ему, будет недолгой и нестрашной, вроде осенних сборов приписного состава. Глядел в окно, считал столбы, удивлялся, до чего земля богатая, и все ехал да ехал по Советской стране, и не было ей ни конца, ни края.

Когда в первый раз лопал Алексей Куликов в бой, он не то чтоб струсил, а просто потерялся. Сперва он даже не понял, что происходит, но рядом упал товарищ, и Куликов увидел кровь, расколотый череп, стеклянные глаза.

«Что ж это такое, братцы? — чуть не закричал он. — Ведь это ж так просто и меня убить могут!» — и, растерянно моргая глазами, осмотрелся вокруг.

А вокруг были дым, и бой, и смерть. Смерть свистела, смерть выла, смерть ухала, смерть падала с воздуха, ползла по земле, и казалось, никуда от нее не уйти, не спрятаться. Ничего не видел теперь Алексей Куликов: ни войны, ни поля, ни товарищей, — только

смерть г...
он и вид...
я и сме...
вездесущ...
человечес...
Долго ли...
бить серд...

И так...
показался...
кал. До...
большом...
кто не сп...

И он...
большим...
рон, и в...
легко н...
смерти.

Но б...
сам удив...
потягива...

— И...

Он п...
это чудо...
чуть... К...
Но това...

И тол...
мал: «Н...
должны...
кско стр...

Все х...
пошел с...

на-
ой-
да
ов
да
сай
и
на,
ой,
ва.
до
Со-
ни

смерть глядела ему в глаза, только смерть он и видел. И на всей земле только и было: я и смерть. Смерть — железная, огненная, вездесущая, а я, Алексей Куликов, существо человеческое, с хрупкими костями и мясом. Долго ли кость перебить, ткань порвать, пробить сердце?

И таким беспомощным, жалким, одиноким показался себе Куликов, что он даже заплакал. До жалости был он одинок на этом большом поле, никому до него дела нет, никто не спасет, не выручит, не поплачет рядом.

И он досадовал на себя, что уродился большим и круглым, уязвимым со всех сторон, и в ячейке окопа ему тесно, и пуле его легко найти. Лежал и дрожал, — ждал смерти.

Но бой кончился, а Куликов уцелел. Он сам удивился этому. Все ощупывал себя, все потягивался. Ничего! Ни паралины.

— Ишь ты, — смущенно улыбнулся он.

Он попытался рассказать товарищам про это чудо: «Вот, понимаешь, история! Ну чуть-чуть... Кабы она левей пошла — и крышка...» Но товарищи слушали плохо.

И тогда опять поскуучнел Куликов и подумал: «Не сегодня, — так завтра. Все одно должны убиты. Мысленное ли дело из такого страха живым выйти?»

Все же во второй бой Алексей Куликов пошел с надеждой: авось, опять посчастли-

вится. И опять дышала ему смерть в лицо, и опять он дрожал мелкой, осенней, стыдной дрожью, перебегая поле, втягивал голову в плечи и глаза закрывал, от каждого выстрела вздрагивал, каждому снаряду кланялся и все смерти ждал: хорошо б скорей...

И только одиночества не было теперь.

Оно рассеялось сразу и само собой. Немцы бомбили Алексея Куликова у переправы, а он лежал под деревом, у самой воды, и твердо знал: теперь взаправду конец.

Но вдруг прошестело, зашумело вокруг. «Наши, наши летят!» — и кто-то рядом вздохнул облегченно и радостно.

Куликов не сразу открыл глаза, а когда открыл, увидел над головой небо. Небо было большое, высокое и такое синее, словно его маляры подновили на этот случай. И в этом небе наши били немцев, выручали Куличка.

Странно тихо стало на земле, чуть плескалась волна о берег, чуть скрипели деревья, и все: земля, река, люди — все смотрело теперь в небо: там кипел бой. Озверело ревели моторы, чиркали красные пули, и Куликов увидел, как над самой его головой разламывается «Хейнкель». Разламывается, как спичечная коробка. Полетело одно крыло, потом второе. Вдруг раскрылся белый купол парашюта («Неужто уйдет, собака?» заметался Куликов), но парашют вспыхнул, в мгновение на глазах у Алексея съежился, похудел и,

как дого

— А!

бя от рад

Он даже

все повт

кели» тр

запад, с

куда? Бе

Тепер

прислуш

и ушей

заставля

когда бы

ше и ча

лось у К

ше не б

ишь, ско

Куличка!

Но т

ко-тонко

Он увид

и еще...

всплеск

чаще и

увидел,

иголки

ближе и

сзади, и

кий и н

ковой ш

И чт

Первый раз

как догорающий факел, упал где-то за рекой.

— А! А! — закричал тогда, не помня себя от радости, Куликов. — А! Ага! Ага, гад! — Он даже заплясал на месте, злорадствуя, и все повторял: — Ага, ага! — А когда «Хейнкели» трусливо побежали с неба вспять, на запад, он закричал им вдогонку: — Куда, куда? Бей их! Ату!

Теперь Куликов стал присматриваться и прислушиваться к бою. Глаз уже не закрывал и ушей не прятал. Раньше каждый выстрел заставлял его вздрагивать, теперь различал он, когда бьют немцы, когда наши. И чем больше и чаще били наши, тем веселее становилось у Куликова на душе, и страх таял. Больше не был он одиноким на огромном поле: ишь, сколько сил собралось, чтобы выручить Куличка!

Но тут над самой его головой что-то тонко-тонко свистнуло. Он даже не понял, что. Он увидел, как чиркнула о песок пуля... Еще и еще... Так падают дождевые капли в воду — всплеск и круг по воде. Но капли падали все чаще и чаще, и все вокруг Куликова, и он увидел, как вздрагивают на сосне ветки и иголки хвой сыплотся рядом на песок. Все ближе и ближе падают капли, и спереди, и сзади, и со всех сторон, словно кто-то далекий и невидимый вяжет петлю вокруг Куликовой шеи и некуда выскочить из петли.

И что Куликову с того, что наша артил-

лерия теперь была часто и густо, все равно — петля вокруг его шеи вязалась неотвратно, вражеский автоматчик все чиркал и чиркал, подбирался к самому горлу... И вдруг, словно захлебнувшись, смолк.

Перестали вздрагивать ветки, пузырьки исчезли на песке. Куликов робко, осторожно оглянулся вокруг и увидел, как сосед, весело улыбаясь, досылает новый патрон в патронник!

— Это ты его? — удивленно и почтительно спросил Куликов.

— Я, — гордо ответил сосед. — Как? Ничего?

И тогда Куликов вспомнил, что у него у самого есть винтовка. Вот она, рядом. До сих пор он и не думал о ней. И во вчерашнем бою не думал. Таскал за собой — это верно, потому что казенную вещь бросать нельзя, но ни разу из нее не выстрелил.

37
Теперь схватил он ее горячо и жадно, словно в ней от всех бед спасение, и стал стрелять. Он палил, не глядя, торопливо и лихорадочно (только руки дрожали). Он словно обводил себя огненным кругом, как старуха древняя обводит себя крестом, чтоб оградиться от нечистого. И казалось Куликову, что теперь не прорвется к его горлу смерть, огненной черты не переступит.

Но тут над ним раздался сердитый голос командира:

—
Кого
Ку
лежал
А вок
лянных
—
команд
—
жилсь
гать.
и сказ
—
И
цельм
лев —
команд
спрос
—
много
убить
Ко
потом
—
Для
На
крепк
прихо
В бо
а гла
Ку

— Ты чего патроны жгешь? Куда палишь?
Кого видишь?

Куликов уронил винтовку. Рядом с ним лежал командир и пристально смотрел на него. А вокруг на песке тут и там валялись стрелянные гильзы.

— Страшно тебе? — отрывисто спросил командир.

— Страшно... — сознался Куликов и съелся, подумав: сейчас станет командир ругать. Но командир помолчал, пожевал губами и сказал тихо:

— В первый раз всем страшно.

И из второго боя Алексей Куликов вышел целым и невредимым. Опять он уцелел! И уцелев — опять удивился. А вечером подошел к командиру и, переминаясь с ноги на ногу, спросил:

— Как, товарищ лейтенант, ваше мнение: много ль металла потребно, чтоб человека убить?

Командир удивленно посмотрел на него, потом улыбнулся и ответил:

— Для труса — шальной пули хватит. Для смелого — и тонны мало.

Над этими словами Куликов задумался крепко. Кто говорит, что в бою думать не приходится, тот никогда не был в бою. В бою думают, и мысль тут остра и быстра, а глаз приметливый.

Куликов скоро приметил, что трусу дей-

ствительно погибнуть легче, чем мухе. Полет пули, а стало быть и полет смерти, свой закон имеет. Закон этот надо знать. А трус под огнем мечется, трус ничего не видит, его любящая пуля найдет. На пристрелянном рубеже он лежит, а под шальным огнем в панике бежит. Трус и с винтовкой безоружный. Он огнем на огонь не отвечает. Он не воин, он — мишень.

Алексей видел, как трусы гибнут, и всегда думал при этом: «Хилое существо человек. Как былинка в поле. Ветер подул — и нет его».

Но однажды в медсанбате, где Алексею перевязывали пуляковую царапину, довелось ему увидеть сержанта Чернова, про которого в тот день весь полк шумел. Живого места не было на том сержанте, все его тело было перебито и переколото, а он все дрался с врагом, и немцы никак его убить не могли и не убили.

Куликов с почтением глядел на его раны и удивленно головой крутил. Ему все хотелось посмотреть, пощупать, что за кости у этого человека, что их перебить нельзя.

А Чернов метался на соломе и сквозь стиснутые зубы хрипел:

— Врешь! Врешь, выживу! Врешь!

«Это он со смертью воюет, — догадался Куликов. — Гордая у человека душа».

Он спросил врача:

И др
Та
верну
зывает

смотр
душа
чешь
смерт
погля

...
но пр
пелся
смерт
не ду
стало
обход

Др
жела
руже
на ф
те го
В
веньк
му сл
лась

37

— Неужто жить будет?

— Будет! — уверенно ответил врач. —
И драться еще будет.

Так этот случай поразил Куликова, что, вернувшись из медсанбата, он долго рассказывал о нем товарищам.

— Понимаешь, хилое существо человек, а смотри, никак его убить нельзя, если в нем душа гордая. Нет, я так понимаю, если хочешь жить, за жизнь драться надо. Он в тебя смерть шлет, и ты в него смерть шлешь. А там поглядим, чей козырь крепче!

...К дыханию смерти привыкнуть нельзя, но притерпеться можно. И Куликов притерпелся. Он научился хитрить, обманывать смерть, не бояться ее, а потом и вовсе о ней не думать. И когда перестал думать — сразу стало легко и жить, и драться, и пули словно обходили его.

Алексей Куликов становится воином

Драться! Драться! Вот чего больше жизни желал Алексей Куликов, когда, выйдя из окружения, попал, наконец, с маршевой ротой на фронт. А его в первый же день на фронте горько обидели.

Всему пополнению выдали винтовки новенькие, золотистые, еще жирно, по-складскому смазанные ружейным маслом, а ему досталась винтовка старая, побитая, щербатая.

— Ишь ты, блондинка! — восхищенно

воскликнул молодой паренек и нежно гладил луже своей золотистой винтовочки. — Наташка...

А Куликов сердито разглядывал свою: на прикладе — трещина, на стебле затвора — заусеницы, ствольная накладка пожухла и сморщилась. «Шрамоватая какая-то! — неприязненно подумал Куликов. — От начальства за нее непременно влетать будет, чисть не чисть».

Командир отделения заметил расстройство Куликова.

— Вы что ж, товарищ Куликов, — спросил он обиженно, — оружие не рады?

— Да нет... Чего же... Ружье, как ружье.

— А что ж вы дуетесь на него, как мышь на крупу? А ну, покажите. — Он взял из рук Куликова винтовку, поглядел номер, и лицо его вдруг осветилось тихой, хорошей грустью. — 33537, — произнес он. — Максима Спирина оружие. Друга. Флоренти... Дубасары... Еще Прут... Река есть такая...

— Я там был.

— Д-да... — Сержант задумчиво вертел в руках винтовку. — Вот эта трещина на прикладе — это Максим немцу черепок расколол. А на черепке — каска. Дюже горячий бой был...

— Что ж, погиб... Максим?

— Да... Теперь не живой.

Оба замолчали.

—
жант.

Но

—
отдам.

С т

со св

бывал

оружи

оружи

мостре

партиз

все п

в ней

го ор

драть

на по.

Од

—

тую»

—

сержа

В

ный р

они т

мысли

Кулик

А

ный.

на пл

то вз

— Ну, давайте, — произнес наконец сержант, — я эту винтовку себе возьму.

Но Куликов тихо ответил:

— Нет, товарищ сержант, теперь не отдам.

С тех пор не расставался Алексей Куликов со своей «шрамоватой». И когда командир бывало рассказывал бойцам о славе русского оружия и вспоминал суворовских орлов, и оружие октябрьских баррикад — пики да самострелы, и деревянную пушечку сибирских партизан, и танки Халхин-Гола, — Куликов все поглаживал свою «шрамоватую», словно в ней сгустились и слава, и традиции русского оружия. С этой винтовкой нельзя плохо драться, ее опозорить — стыдно, а бросить на поле боя — смертный грех.

Однажды он сказал сержанту:

— Ежели меня убьют, ты мою «шрамоватую» отдай достойному бойцу.

— Хорошо, — не улыбнувшись, ответил сержант, — отдам достойному.

В эту пору произошел у Куликова крупный разговор с Леонидом Внуковым. Стояли они тогда на отдыхе после жестоких боев, мылись, брились, отъедались. Больше всего Куликов обрадовался речке.

А Леонид Внуков сидел на берегу скучный, сгорбившийся. Тускло глядел на реку, на плескавшегося там Куликова и то зевал, то вздыхал.

— Что заскучал, товарищ военный? — весело обратился к нему Куликов, вылезая на берег. — Не скучай о бабе, пусть бабы о нас скучают.

Он сел рядом с Внуковым, подставил плечи и шею солнцу. Последние теплые дни, бабе лето.

Внуков и шутке не улыбнулся. Скрипуче стал жаловаться он, что устал, чертовски устал он, здоровье у него нежное, к такой жизни не приученное, а тут бои да походы, бои да походы... Тяжелая война.

— А война легкая не бывает, — отозвался Куликов.

— Я ведь раньше как жил? — скрипел Внуков. — Я замечательно жил. Хорошая у меня была должность...

— А теперь у всех мужиков одна должность: немца бить.

— Я ответственный был в районе человек. Управляющий делами рика. Зачем меня на войну?

— Ишь какой у тебя умный чертеж! — усмехнулся Куликов. — Значит, Куликов — немца бей, а Внуков — бумажки пиши?

— Так если я по этому делу спец? Тебя в учреждение посади, ты и не справишься.

— А я в канцелярию и не сяду. Меня бабы засмеют, здорового...

— Да, — вздохнул Внуков, — ответствен-

ный бы
мною —

хмури
больш

Но
ныл, х
кем-то

галсту
А теп
Везде
И
и зар

Вн
го не

—
сукин
не бы

Во
лейте
от Ку
ликов
жал
что д
ницы
час о
чести

Д

это с

в Перв

ный был я человек, а тут рядовой, и все надо мной — начальники. Это мне обидно.

— А я так полагаю, — сказал, сердито нахмутив брови, Куликов, — что нет той чести больше, как на войне бойцом быть.

Но Внуков не слушал его. Он все про свое ныль, жаловался. Просто хотелось ему перед кем-то высказаться, поплакаться.

— Я бывало дома чисто ходил. Одних галстукон, знаешь, сколько у меня было? А теперь, гляди, в какой я робе? Грязное все... Везде пятна.

И тогда вскочил на ноги Алексей Куликов и заревел не своим голосом:

— Скидай! Скидай, сукин сын!

Внуков испуганно взглянул на него, ничего не поняв.

— Гимнастерку скидай! Вот речка. Стирай, сукин сын, свой мундир! Чтоб ни пятнышка не было!

Вот удивились бы в батальоне старшего лейтенанта Субботина, услышав такие слова от Куликова! Полно, тот ли это Алексей Куликов, что еще несколько месяцев назад дрожал под снарядами, ожидая смерти, тот ли, что докладывал бывало, что «пушка из пшаницы переехала в гречку»? Он ли говорит сейчас о бойцовой славе, о воинском долге, о чести мундира?

Да, не тот стал Алексей Куликов. Теперь это был воин, суровый воин, обстрелянный и

обветренный, понимающий свой долг, честь и дисциплину.

Сам Куликов не удивлялся своему превращению.

— На войне и лошадь привыкает, — любил говорить он. — Поглядишь: стоит, не моргнет.

Он привык воевать, драться, спокойно ждать боя, спокойно глядеть на смерть и кровь, привык к бесконечным походам и переходам, к кочевой солдатской жизни. И портянка ноги не трет, и армейский сапог не давит, и снаряжение как-то ладно улеглось на нем, все к месту, ничто не гремит, не мешает; полная выкладка, а не тяжко. Потому не тяжко, что все нужно, и ни с чем Куликов расстаться не захочет. И скатка нужна, она бойцу все — и одежда, и одеяло, — и фляжка нужна (летом с водой, зимой с водкой), и вещевой мешок с НЗ нужен, а плащ-палатка в дождь лучше крыши любой, как ее бросишь?

Вот разве противогаз... Противогаз как будто ни к чему. Он пока Куликову подушкой служит. Но и его ни за что не бросит Алексей. Злобен враг — противогаз пригодится!

Но больше всего уважал Куликов, берег и лелеял свою прамаватую винтовку и саперную лопатку. Про винтовку и говорить нечего, без нее воин — не воин, но и маленькую лопатку, долго болтавшуюся без особого дела

на боки
кий бр
го — н
мецкая
прошла
большо
Кулико
всегда

Каж
сразу
жилым
сте: ту
газ —
хозяйс
 устраи
ну ем
чтоб в
солонк
ский,

Он
нитель
Он мо
скаже
всем
А Кул
Молод
были
ких б
Пр
еще н
не, и

на боку, однажды оценил Куликов. Маленький бруствер — двадцать сантиметров, всего — ничего, — а спас Куликову жизнь. Немедкая пуля чиркнула о глину, рикошетом прошла по каске, хоть бы что! С тех пор большой ли был бой или малый, наступал ли Куликов или лежал в обороне — лопатке его всегда находилось дело.

Каждая землянка, блиндаж, окоп, яма сразу становились для Алексея Куликова жилым домом. И все в этом доме было на месте: тут винтовка, тут лопатка, тут противогаз — все его бойцовское хозяйство. И он похозяйски, как бывало дома в своей усадьбе, устраивался здесь, словно не час, не ночь одну ему тут жить, а века. Копал канавки, чтоб вода не натекла, добывал соломку, а соломки нет — травы. Короток сон бойцовский, значит, надо, чтоб сон был, как сон.

Он был теперь исправным, ладным, исполнительным бойцом, — молодые учились у него. Он мог многому их научить, — бой в лесу, скажем, не то, что бой в степи, и опять со всем не то, что бой в населенном пункте. А Куликов во всех этих переплетах бывал. Молодые жадно слушали его. Они должны были его и слушать, и уважать, — вот в скольких боях человек побывал, а цел!

Правда, героизма за Алексеем Куликовым еще не было, слава о нем не гремела по стране, и в сводках Информбюро его имя не попа-

далось. Но если писалось там, что батальон Субботина отбил сегодня восемь яростных немецких атак, то это и про Куликова писалось. Это он с товарищами принял на себя восемь атак и не дрогнул. А если писалось, что после жестокого боя наши войска овладели населенным пунктом, то можно быть уверенным, что был там и Алексей Куликов, дрался на улицах, стрелял из-за церковной ограды, докалывал немца на чердаке.

Куликов и сам знал, что нет за ним никакого героизма. Бывало, читая в газетах рассказы о подвигах славных советских воинов, он восхищенно восклицал: «Вот орлы! Вот, право слово, соколы! Помыслить только — какие дела может человек!» А если ему говорили: «Так и ты, Куликов, — герой, ведь вот как дерешься!» — он возражал: «Какой это героизм! Это — служба!» Но службу свою нес достойно.

Ничем не был еще награжден Алексей Куликов — ни орденом, ни часами, потому что если наградить его, так надо всю Красную Армию награждать, всех ее бойцов, так же, как и Куликов, достойно несущих свою боевую службу.

— Да мы, брат, не за награды и воюем! — сказал он однажды в землянке. — Нам одна награда — немца с нашей земли прогнать да зажить счастливо. Такая это, брат, награда, такая награда! Мне и не надо другой.

Но тут и старые. С

— А я
рявый пуло
меня суди,
шел. И что
И чтоб даль
тот орден
этом мой д

— Дом
согласился

— И те
чил Митя,

— А у

Но это
Скоро узн

Пришло и

Как-то
Брыксине,
рый кажд

бьет.

— Вот
дир. — А

Вот то
ское смол

день наше
на него.

— Ты
— Я.

Кулико
ра, — паре

Но тут все заспорили с ним — и молодые, и старые. Особенно молодые.

— А я за орден дерусь! — вскричал кучерявый пулеметчик Митя. — Вот как хочешь меня суди, а я желаю, чтоб мне орден вышел. И чтоб мне его за мою храбрость дали. И чтоб дали немедленно, как заслужу. И чтоб тот орден мне сам генерал вручал. И чтоб об этом мои домашние узнали...

— Домашние — это верно... — задумчиво согласился Куликов.

— И тем орденом, — горя глазами, закончил Митя, — я всю жизнь гордиться буду!

— А у меня гордости нет...

Но это Куликов напрасно про себя сказал. Скоро узнал он, что и у него есть гордость. Пришло и к нему воинское самолюбие.

Как-то рассказал им лейтенант о снайпере Брыксине, о парне из соседнего взвода, который каждую ночь на охоту ходит и немцев бьет.

— Вот, — укоризненно закончил командир. — А у вас во взводе такого орла нет.

Вот тогда-то и зыграло в Куликове воинское самолюбие. Загорелось сердце. В тот же день нашел он Брыксина и долго смотрел на него.

— Ты — Брыксин? — спросил он, наконец.

— Я.

Куликов недоверчиво разглядывал снайпера, — парень, как парень: один нос, два уха.

— Врут, что ты еженощно немцев бьешь?

— Нет, правда, — усмехнулся Брыксин.

— И много набил?

— На сегодняшний день в аккурат двести тридцать восемь.

— Та-ак...

Куликов долго молчал, думал, а потом вдруг сказал дрогнувшим голосом:

— Учи! Убедительно тебя прошу: учи немца бить.

И он стал учиться.

Ничего не скажешь: хорошей показала себя шрамоватая винтовка, недаром она самому Максиму Спирину была подругой. Но оказалось, одной винтовки мало. Еще глаза нужны особенные, и руки, и сноровка, и мастерство. Этому мастерству и стал учиться Куликов. Он учился страстно, прилежно, как бывало на полководческих курсах. Все началось с самолюбия, а вышло всерьез. Большое это счастье — видеть, как от твоей пули, от твоей собственной руки падает враг.

До той поры Куликов сам себе цены не знал. Он видел: на этой войне люди воюют массами. Что тут один человек значит? Он даже не винтик в машине, он — пешка. Но теперь узнал Алексей Куликов цену умелому человеку на войне. Один человек, а, гляди, целую роту немцев уничтожил! Один Брыксин, а для всех немцев — гроза, за его голову награда положена. И Куликов захотел, чтобы

его руку
Брыксина, в
и его голову
нят?

У каждо
тер был, све
ного — это
другого — а
го — дело с
стве был
немцу.

И если
Алексей Ти
жик, челове
вопросу и с

— Так э

Не умен
злость на н
землю при
жизни раст
ет, сызмаль
нацией и те
И в этой в
Куликова с

Кузьма
Застенчивая
на его изм

его руку почувяли немцы, чтоб и его, как Брыксина, в своих листовках прокляли, чтоб и его голову оценили. Интересно, во что оценят?

У каждого снайпера в их роте свой характер был, свои обычаи, свои повадки. Для одного — это веселая охота, лихая забава; для другого — азарт, опасный спорт; для третьего — дело славы. А для Куликова в снайперстве был выход его лютой ненависти к немцу.

И если б сказали ему: «Как же это ты, Алексей Тихоныч, незлобивый, мирный мужик, человека убил?» — он удивился бы этому вопросу и ответил:

— Так это ж не люди. Это — немцы.

Не уменьшалась, а все росла и росла его злость на немца. Злость за то, что на нашу землю пришел, и за то, что любимый уклад жизни растоптал, и за то, что он воевать умеет, сызмальства сделал свой народ солдатской нацией и теперь разбойничает на нашей земле. И в этой великой, неукротимой злости была Куликова сила:

ВАДИМ КОЖЕВНИКОВ

РОЖДЕНИЕ ВОИНА

Кузьма Тарасюк стоит посреди землянки. Застенчивая, расслабленная улыбка блуждает на его изможденном грязном лице. Он пы-

таётся расстегнуть крючки на обледенелой шинели, но пальцы плохо слушаются. Кто-то из бойцов помогает ему снять шинель, и от этой дружеской услуги он еще больше теряется.

Кто-то сует ему в руки горячую кружку с чаем, еще кто-то сыплет в кружку сахар. Ему дают валенки. Теплые, только что снятые с ног, а владелец их залезает на нары. Целую банку разогретых консервов ставят ему на колени и тут же суют скрученную цыгарку и подносят огонь.

Тарасюк не знает, что ему сначала делать: надеть сухие валенки, пить чай, есть консервы или курить? С головы Тарасюка сматывают окровавленные тряпки и бинтуют ее чистым бинтом. Тарасюк покорно подчиняется всему.

Он не может произнести ни одного слова. У него першит в горле. Он все время откашливается. Ему хочется прямо плакать.

Тарасюк трет глаза и шопотом говорит:

— Печь дымит очень.

И трет глаза. А печь вовсе не дымит.

Кто-то ворошит солому на нарах, стелет сверху плащ-палатку, готовит изголовье.

Чумаков, самый беспокойный человек в отделении, кричит:

— Сегодня «козла» отставить! Тарасюк спать должен. Понятно?

А Тарасюк все никак не может справиться с блаженной, расслабленной улыбкой на своем

лице. Сладко не покидает

Тарасюк Л накрыли шинель газетой. Но Т жит под шинет: слишком переживает с

Есть одна века к челов воинским то справедливей ты увидишь она твоей го на свете и д

Тарасюк он был сам.

После пе новых бойцо ласов. Тара патронов:

— Почему

— У мен промямлил Т

А потом и горячо ск

— Зачем ведь, правд он по тебе чит. Ведь т

лице. Сладкое самозабвение, почти как сон, не покидает его.

Тарасюк ложится на нары. Он притих. Его накрыли шинелями. Свет копилки отгородили газетой. Но Тарасюк спать не может. Он дрожит под шинелями. Дрожит не от озноба — нет: слишком непомерно волнение, которое он переживает сейчас.

Есть одна простая мера отношения человека к человеку на войне. Эта мера воздается воинским товариществом. И нет ничего справедливей этой меры. Став солдатом, ты увидишь ее в большом и малом, и будет она твоей гордостью, любовью, совестью, всем на свете и дорожке жизни.

Тарасюк был одинок. Но в этом виноват он был сам.

После первого боя командир проверял у новых бойцов количество оставшихся боеприпасов. Тарасюк израсходовал только шесть патронов.

— Почему мало стреляли?

— У меня, я... Видимой цели не было, — промямлил Тарасюк.

А потом к Тарасюку подошел боец Липатов и горячо сказал:

— Зачем про цель наврал? Страшно было, ведь правда, страшно? Дашь по нему раз, а он по тебе очередь. А ты молчишь, и он молчит. Ведь так?

Перед сном бойцы разговаривали. Чумаков сказал:

— Я очень приятно раньше жил и по-другому жить не согласный. Потому теперь у меня страшная злость на немцев.

Липатов оглянулся на Тарасюка и встал:

— Есть и такие, у кого сердце, как курдюк.

— Есть и такие, — согласился Чумаков и тоже поглядел на Тарасюка.

— Я свою жизнь всегда готов отдать, — сказал Тарасюк.

— Даром! — перебил его Липатов. — Это немец любит. Он любит, когда его не трогают, чтобы самому тронуть.

В первом бою человек испытывает чувство тоски. Это чувство подавляет, изнуряет, делает беспомощным; избавиться от него сразу трудно. Тарасюк, страдая от этого чувства, жался к соседу. Но Липатов крикнул:

— Держи дистанцию!

Тарасюк отполз, остался один. Сначала он стрелял, не видя врага. Потом он сообразил, что стреляет для того, чтобы не бояться. Ему стало стыдно, и он перестал стрелять.

В бою чувствуешь, если не видишь, поведение своего соседа. Помочь слабому — мужественная обязанность товарища. И Липатов хотел помочь Тарасюку. Но Тарасюк, не поняв его намерения, отсекся от помощи, и тем самым отсекся от дружбы и стал одиноким.

Очень скором Правдивостью дом своим поше не разговарего.

Отчужденны бойцы. И это том. Отделени пашный бой.

показалась но на помощь се

— Гранату

Тарасюк брнуть предохран разорвалась. И разорвавшуюся

— Вот, во дарить: это т

Теперь Тар только свой т писем, и никто одиночество.

Есть на во

Когда Тар нием, про не

— Пошла любит, когда

И хотя Т из боя и его любовь бойцо это чувствов

Очень скоро Липатов стал любимцем роты. Правдивостью и чистотой отличался он в каждом своем поступке. Но с Тарасюком он больше не разговаривал. Он, казалось, не замечал его.

Отчужденно стали относиться к нему и бойцы. И это усугубилось еще одним фактом. Отделение блокировало дзот. Шел рукопашный бой. Неожиданно в ходе сообщения показалась новая группа немцев. Они спешили на помощь своим. Командир крикнул:

— Гранату! Бей гранатой!

Тарасюк бросил гранату. Но забыл отодвинуть предохранительную чеку, и граната не разорвалась. После боя Липатов разыскал неразорвавшуюся гранату и отдал ее Тарасюку.

— Вот, возьми обратно. Можешь не благодарить: это тебе немцы спасибо скажут.

Теперь Тарасюк ел один из котелка, курил только свой табак. Ему некому было читать писем, и никто не читал ему своих. Это было одиночество.

Есть на войне такое, что легко не прощают.

Когда Тарасюка посылали в тыл с донесением, про него говорили:

— Пошла наша вобла к тихой заводи. Не любит, когда немец свинцовую икру мечет.

И хотя Тарасюк не по своей воле уходил из боя и его в пути обстреливали немцы, не любовь бойцов сопутствовала ему. И Тарасюк это чувствовал.

Но к чести Тарасюка нужно сказать, как ни страдал он, как ни тяжело ему было, — он понимал справедливость такого отношения. И каждому своему поступку он стал искать мысленно сравнения с той мерой, какую воздало ему суровое воинское товарищество. И если поступок хоть на вершок подымался над этой мерой, он был счастлив. Но это было кучное и одинокое счастье.

Но кто мог знать, что вот совсем недавно, чтобы быстрее доставить донесение, Тарасюк не полз, а пробежал под огнем лощину, и когда у самого лица пищали пули, он не пугался этого писка, не ложился, а продолжал бежать. А ведь ничего плохого не было, если бы он лег. А вот он не лег.

Или вот тоже... Возвращаясь в подразделение, он наткнулся на раненого пулеметчика. Второй номер был убит. Пулеметчик один отбивался от автоматчиков.

Тарасюк лег рядом за второго номера, и до вечера они вели бой. Потом, когда пришла помощь, Тарасюк встал и сказал пулеметчику:

— До свиданья.

— Спасибо, — сказал пулеметчик.

— Не за что, — ответил Тарасюк.

А когда пришел в подразделение, командир наложил на него взыскание за то, что он пропадал нивесть где. Тарасюк постеснялся сказать, где он пропадал: ведь не поверят.

Тарасюк —
охоте полеза:

— Заблуд

— А ком
дир. — Еще

И то, что
сюк, хотя м
но ничего уд
утверждают,
один на всю
костюма. Но

Была река
по другую —
ка была «ни
ная», когда

Пришел
штурм. Подр
жеских укре
Тяжелые не
огонь. Они
лед. Темная
соко выплес

Воспользо
подтягивали
составил до
ния огневых
огнем наших
подойти на
прорвавшиес

— Дойде
смотрел в гл

Тарасюк — и вдруг в такое дело по своей охоте полез? Он только пробормотал:

— Заблудился я.

— А компас на что? — спросил командир. — Еще раз заблудитесь, в обоз пошлю.

И то, что сейчас сделал этот самый Тарасюк, хотя многим показалось удивительным, но ничего удивительного в этом не было. Вот утверждают, что характер человеку выдается один на всю жизнь, вроде этакого духовного костюма. Но ведь это же неправда.

Была река. По одну сторону скопились мы, по другую — немцы. Получилось так, что река была «ничейной». Но что значит «ничейная», когда река наша!

Пришел приказ: взять реку. Начался штурм. Подразделения прорвали линию вражеских укреплений и ворвались в глубину. Тяжелые немецкие батареи открыли отсечный огонь. Они били по реке. Снаряды дробили лед. Темная, дымящаяся на морозе вода высоко выплескивалась после каждого взрыва.

Воспользовавшись огневой завесой, немцы подтягивали резервы. Лейтенант Кузовкин составил донесение с указанием расположения огневых точек врага. Их нужно подавить огнем наших батарей, иначе немцы не дадут подойти нашим подкреплениям и отбросят прорвавшиеся подразделения обратно.

— Дойдете? — спросил командир и посмотрел в глаза Тарасюку.

Тарасюк понял, что думает командир, и смутился. Он хотел рассказать про пулеметчика; теперь было очень нужно, чтоб командир верил ему. Но командир вдруг пожал ему руку и сказал:

— Все.

И Тарасюк пошел.

Была ночь. Мела пурга.

Тарасюк шел по целине. На снегу лежал немец с примерзшими к земле длинными светлыми волосами. Лицо его было запрокинуто, глаза открыты, в орбитах, словно очки, лежал круглый лед.

Тарасюк равнодушно посмотрел на труп и прошел мимо. Разве мало их валялось в степи! Тарасюк шел и думал, думал о том, как сильно он волновался, когда командир говорил с ним. И это было потому, что командир мог его не послать. И если бы командир не послал его, он был бы так раздавлен, так унижен! И сейчас он испытывал чувство, будто чудом спасся от смерти, потому что это было б тогда, как смерть.

Снаряды пробивали лед. На мгновение во льду оставалась только темная дыра. Потом из реки вздымалось гигантское водяное дерево.

Тарасюк спустился к реке. Он ступил на льдину. Льдина плавала в воде легко, как пласт сала. Льдина погрузилась в воду. Он прыгнул на другую льдину, потом на третью.

Но валенки нулся, покаты льдина больш

На краю нялся. Он за ющую льдин ся в разные их ногами, н

Вода пок было, как ох ну, но льди той, и он не

Снаряд за кой, как у д лостом ходу с головой в ло водой, не била его; он

Тарасюк шиеся льдин но сил у не успеть хлеб прихлопывал ему удалось

Он поше ны руками. Он выбрался побегал. Од ся; потом он

Он бежа хивая рукам

Но валенки успели обледенеть. Он поскользнулся, покатился. И чем ближе к краю, тем льдина больше кренилась. Тогда он упал.

На краю льдины Тарасюк осторожно поднялся. Он занес ногу и поставил ее на следующую льдину. Но льдины стали разъезжаться в разные стороны. Он пытался удержать их ногами, но не смог и упал в воду.

Вода показалась горячей, потому что это было, как ожог. Он пытался влезть на льдину, но льдина кренилась, становилась покатою, и он не мог на нее забраться.

Снаряд зашуршал в воздухе. Звук был такой, как у дисковой пилы, работающей на холстом ходу. Тарасюк сжался, погрузившись с головой в воду. Взрыв. Его тяжело ударило водой, несколько раз перевернуло. Вода била его; она была тяжелая, твердая.

Тарасюк стукнулся затылком о сомкнувшиеся льдины. Он пытался поднять льдину, но сил у него хватало только на то, чтоб успеть хлебнуть воздуха, и льдина опять прихлопывала его, как крышка люка. Наконец ему удалось сдвинуть ее.

Он пошел дальше вброд, раздвигая льдины руками. У самого берега лед был целым. Он выбрался на кромку, поднялся на берег и побежал. Одежда стала твердой и негнущейся; потом она начала ломаться.

Он бежал, высоко вскидывая ноги, размахивая руками.

И вдруг Тарасюк споткнулся. Он чуть не упал и зло взглянул под ноги. Тарасюк увидел труп немца с примерзшими к земле длинными светлыми волосами, запрокинутым лицом, и в орбитах лежали круглые льдины, похожие на очки.

И он с ужасом убедился, что это тот самый немец. Значит, Тарасюк выбрался не на тот берег реки. Тогда он побежал обратно. Он бежал, и одежда его трещала.

Теперь он не пытался перебраться по льду. Он бросился в воду. И странно, вода показалась теплее. Он расталкивал лед и шел в воде. Он выбрался на берег и снова побежал.

...В землянку пункта сбора донесений вошел человек и упал, стукнувшись о землю так, словно он железный. И действительно, когда разрезали на нем одежду, она была тверда, как железо. Его переодели во что могли и привели в чувство.

И очень скоро над рекой полетели стаи тяжелых снарядов. Они летели с поющим звоном, летели, как зрячие, падали на немецкие пушки и разрывались. Стая за стаей, залп за залпом.

А потом в землянку пункта сбора донесений пришел майор Курбатов и спросил:

— Где тут товарищ Тарасюк?

— Я, — сказал Тарасюк.

— Вы еще что-нибудь можете? — спросил майор.

— Могу,
— Рацию
них рацию.

— Есть
расюк.

Он поправил ее на себя и лась. Воздух хой. Разбиты дымилась.

Тарасюк жал. Он шаг только кряхт рега Тарасюк

Потом он рацией на сп до того мес расюк посмо на круглые «Плакал, на

И еще п было совсем только зли штука эта з может, ее п

Потом Т получил при

Сейчас Т него молча, ла», они не будет мешат

— Могу, — ответил Тарасюк.

— Рацию им надо доставить. Разбили у них рацию.

— Есть доставить рацию, — сказал Тарасюк.

Он поправил плечевые ремни рации, надел ее на себя и вышел из землянки. Пурга улеглась. Воздух был прозрачный. Река была тихой. Разбитый лед спаялся. И вода больше не дымилась.

Тарасюк вступил на лед. Лед его выдержал. Он шагал с льдины на льдину, и лед только кряхтел, но не ломался. У самого берега Тарасюк поспешил и попал в воду.

Потом он выбрался на берег и пошел с рацией на спине по степи. Скоро он добрался до того места, где лежал убитый немец. Тарасюк посмотрел на его запрокинутое лицо, на круглые льдины в орбитах и подумал: «Плакал, наверно, перед смертью».

И еще подумал Тарасюк, что когда ему было совсем плохо, он не хотел плакать, а только злился. Злость, какая правильная штука эта злость! Злость давала ему силы, и, может, ее прежде и нехватало Тарасюку.

Потом Тарасюк сдал рацию командиру и получил приказ — отдыхать.

Сейчас Тарасюк спит. Бойцы сидят вокруг него молча, и хотя хочется поиграть в «козла», они не играют, потому что стук костей будет мешать спящему.

Дверь землянки распахнулась. На пороге — Липатов. Он громко и радостно сказал:

— Орлы, про Тарасюка слышали?

— Тише, Тарасюк спит, — вскочил Чумаков. Потом он осторожно уселся на нары и, раздумывая, сказал: — Главное, совесть имей, а она себя рано или поздно покажет.

ВАС. ГРОССМАН

БЫВАЛЫЙ БОЕЦ

Было это 3 июля 1941 года. Вечером пришел он с работы и перед ужином вышел во двор наколоть дров. Большие рабочие руки его занесли топор высоко над головой. Вязкое, суковатое полено от сильного, быстрого удара охало и расплзлось.

— Эй, Канаев, ты дома, что ли? — окликнул его председатель сельсовета.

Он неторопливо положил топор, подкинул ногой к куче нарубленных дров отлетевшую крупную щепку, вытер лоб тыльной стороной ладони и подошел к забору. Шел он спокойно, улыбаясь, но сердце его билось быстро и с тревогой.

— Ну, чего тебе? — спросил он.

— Сам знаешь, — сказал председатель. —

Вот тут распишись.

Темным указал на ли...
Пока Ка...
говорил:

— Что ж...
га и здоров...

...Бойца...
вый батальон...
тальноном пр...
оном проде...
щий равных...
воюет он се...
боевым дел...
любовь и у...
бойцом, спо...
одновременн...
своей чисто...
век высоча...
вступил он

Первый...
Канаева. Пр...
батальон за...
взошло сол...
фланге пуле...
зином. Бата...
лать. Спер...
ным и стра...
жим снаря...
над голово...
мог отличи...
ва снаряда,

Темным от махорочного дыма пальцем указал на лист разлинованной бумаги.

Пока Канаев расписывался, председатель гворил:

— Что же, Ваня, желаю тебе побить врага и здоровым домой вернуться...

...Бойца Канаева зачислили в мотострелковый батальон танковой бригады. С этим батальоном приехал он на фронт, с этим батальоном проделал он тяжелый поход, не имеющий равных в истории, с этим батальоном воюет он сегодня. Здесь нашел он друзей по боевым делам, здесь снискал он себе общую любовь и уважение, здесь стал он опытным бойцом, спокойным, мужественным и добрым одновременно. Здесь раскрыл он богатство своей чистой души — русский солдат, человек высочайшей и строгой морали. Здесь вступил он в партию.

Первый бой батальона был первым боем Канаева. Произошло это под Липовкой. Ночью батальон занял рубеж обороны. Утром, когда взошло солнце, противник открыл на левом фланге пулеметный огонь и зажег баки с бензином. Батальон вошел в лес и начал стрелять. Сперва все казалось Канаеву непонятным и страшным. Он кланялся и своим и чужим снарядам, свист пуль, летевших высоко над головой, заставлял его дожиться, он не мог отличить оружейного выстрела от разрыва снаряда, от воя мин кидало его в тоску.

Но постепенно азарт боевой схватки охватил его, он ощутил веселье боя. Правда, в первом своем бою он действовал полусознательно, словно опьяненный. Туман стоял в его голове. Он сам не мог вспомнить, что говорил и делал. Ему напомнили, как в один из самых тяжелых моментов боя он подбежал к командиру, держа в руках магазины разбитых немецким огнем пулеметов, и крикнул: «Товарищ лейтенант, давайте биться до конца!» Ему рассказали, как перед вечером он первым ворвался в немецкие окопы. «Может, и было, — смущенно говорил он, — а я не помню».

Ночью после боя он долго не мог уснуть, да почти никто не спал — все рассказывали наперебой. В эту ночь впервые Канаев сказал: «Эх, у нас в батальоне народ хороший». До этого он говорил: «У нас дома, у нас в Дубровичах». А сейчас он почувствовал, что люди, связанные с ним великим общим делом, кровью, так же близки ему, как друзья детства, товарищи по работе, как родные братья.

Он долго и тщательно чистил свою винтовку, щелкал затвором, прищурившись, заглядывал в канал ствола. А потом, уже укладываясь спать, он все время ощущывал ее и бормотал: «Важная мне винтовка досталась, теперь до конца войны со мной воевать будет». Он почувствовал к ней уважение и нежность, какие из поколения в поколение пере-

давались в е
пиле, плуту.

В жестоки
мотострелков
лили красноа
И пролитая
целое. Батал
щался боевы
лось, что он
нимал участи
раз ходил в
в жарких пер
штыковую ат
только крик
побежал.

Под Бого
дословный р

«Там мы
лись — нас
целый взвод,
интересовало
«Стойте!» крич
пспал. «Ну,
ся!» Я по не
веселей, — с
много, рука
венскому по
быть? У сам
него бинт из
перевязал, а
воды, и кру

давались в его роду к орудиям труда: топору, пиле, плугу.

В жестоких непрерывных боях шла жизнь мотострелкового батальона. Много крови пролили красноармейцы, защищая свою землю. И пролитая кровь навек спаяла их в единое целое. Батальон закалялся, батальон обогащался боевым опытом. Канаеву иногда казалось, что он воюет всю свою жизнь. Он принимал участие в бесчисленных маршах, десятки раз ходил в разведку, десятки раз участвовал в жарких перестрелках. Однажды ходил он в интыковую атаку, но немец ее не принял. Как только крикнули «ура», немец поднялся и побежал.

Под Богодуховом Канаева ранило. Вот его дословный рассказ:

«Там мы с немцем лицом к лицу встретились — нас человек пятнадцать было, а их целый взвод, впереди офицер. Очень меня заинтересовало, задумал я его в плен забрать. «Стой!» кричу. Он по мне очередь. В руку попал. «Ну, — думаю, — не хочешь сдаваться!» Я по нем приложился, — все равно моя веселей, — он и упал. Тут я крови потерял много, рука ранена, и вижу мальчишке деревенскому попало шальной пулей. Ну, как быть? У самого ведь дети есть. Затратил на него бинт из своего пакета, плечо славно ему перевязал, а из самого кровь бежит. Попил воды, и кружение в голове прошло, а наши

ребята подошли, перевязали меня. Недели две рука болела, но я из батальона не ушел. Чего зря по госпиталям путаться? Да и неохота из батальона уходить».

Он рассказал мне этот случай обычным своим голосом, не подозревая величия своего подвига — отдал в бою безвестному мальчонке бинт, «а из самого кровь бежит»!

Пришла зима. Прислали в батальон пополнение — молодых ребят. Столкнувшись с молодыми, Канаев понял, что он уже старый боец, хладнокровный, опытный. Сколько замечательных знаний оказалось у него! Как-то само собой получилось, что Канаев превратился в роте как бы в учителя, советчика. Стоит послушать его разговоры с молодыми красноармейцами, как отвечает он на их вопросы. В его словах и суровая боевая опытность, и высокая народная мораль, и житейская мудрость солдата.

— Раньше была у меня неуверенность, когда в бой шел, а теперь я в бой хожу живо, просто. В наступление лучше всего идти утречком пораньше. На рассвете. Темненько еще, все его точки видать, где пулемет, откуда трассирующие пускает, — словом, все примечаешь, откуда бьет он. А уж как ворвешься в село, светло становится. А в селе при свете легче: не путаешься, все ходы разбираешь.

— Имей в виду, ребята, наш батальон, что

занял, на войну наш побил.

Он рас новивших

Вот о километро сумку.

В это

— Кан ждешь?

— Чег поняв, взе варищ се

На те зимним се рами, вы вполголос вое слово него стоя ливанов, все бойць серьезные, ка сейчас то сурово

— Сы слышите.

И все

Оконч спрятал

Все с

занял, назад никогда не отдавал. За всю войну нашего батальона немец ни разу не побил.

Он рассказывает о законах и обычаях, установленных в батальоне.

Вот он укладывает перед пятидесятикилометровым переходом свою вещевую сумку.

В это время пришел сержант и сказал:

— Канаев, а Канаев, ты с почты ничего не ждешь?

— Чего, чего? — спросил Канаев и вдруг, поняв, взволнованно крикнул: — Давайте, товарищ сержант! Неужели письмо мне?

На темном бронзовом лице его, каленом зимним солнцем и страшными степными ветрами, выступил румянец. Он читал письмо вполголоса, морщась, и, встречая неразборчивое слово, кряхтел от нетерпения. И вокруг него стояли верные друзья его — туляк Селиванов, второй номер пулеметчик Мещанин, все бойцы его роты — и слушали. Лица были серьезны, и у всегда смеявшегося пулеметчика сейчас было торжественное и даже какое-то суровое выражение.

— Сын родился, — говорил Канаев. — Слышите, ребята, сын у меня родился.

И все видели, что на глазах у него слезы. Окончив письмо, Канаев сложил его и спрятал в карман.

Все смотрели на него и молчали. Бойцы

словно ждали, что Канаев скажет им слово в эту торжественную для него минуту.

— Знаешь, друзья, — сказал он негромко. — Уж очень ребятишек видеть хочется. Особенно того, что теперь народился. Полчасика бы посмотреть только — и воевал бы до конца. Ну, а это разговор пустой.

Ночью батальон выступил. Машины не могли пройти в глубоких степных снегах. Мотопехота шагала пешком. Дул жестокий морозный ветер, лица красноармейцев побагровели от мороза, белый иней вырос на поднятых воротниках шинелей. Хотелось от усталости дышать полной грудью, но нельзя было — лютый мороз перехватывал дыхание. Канаев шел своей широкой легкой походкой; снег скрипел под его сапогами. Иногда он подходил к отстающим и говорил:

— Шагай, шагай, ребята. Ничего не делаешь, что тяжело. За свою землю воюем.

В два часа ночи был привал. Уставшие люди лежали на снегу, отвернувшись от ветра, закуривали. Зимние звезды мерцали над ними. Казалось, что и там, на страшной высоте, дует зимний ветер и колеблет звездное пламя.

Возле Канаева собралось несколько человек.

— Что, Канаев, устал ты столько времени воевать? — спросил чей-то простуженный, хриплый голос.

— В д
он, — по
день выбр
зиму креп
мины рву
это, так,
народ на в
релся в д
жителем,
что нет
милую.

Снова
Шагает
солдат во
километро
Шел он по
жал под я
стаивал д
осенью, ж

Долгую
рицева по
том встал
ребята, см
в атаку.

Разгов
бомбы. Бо
Ящики от

— В деревне я тоже работал, — сказал он, — по три тысячи торфяного кирпича в день выбрасывал. Вот только промерз за эту зиму крепко. Это да. Спишь на снегу, огонь, мины рвутся, — ничего, храпишь! Нелегко это, так. Да что говорить — война-то какая, народ на все решился. Я вот столько насмотрелся в деревнях, где немец зло делал над жителем, такого послушал от баб и стариков, что нет во мне усталости. И врага я не милую.

Снова идет батальон.

Шагает красноармеец Иван Канаев, старый солдат войны за свободу. Много пройдено километров. Сурово и спокойно лицо Ивана. Шел он под палящим июльским солнцем, лежал под ясным месяцем в дубовом лесу, выстаивал долгие часы в намокшей шинели осенью, жег его лютый мороз.

Долгую ночь пролежал он в снегу у Петрищева под страшным немецким огнем, а потом встал и сказал спокойно: «Поднимайтесь, ребята, смелого пуля не берет». И повел роту в атаку.

С. КРУШИНСКИЙ

ХОЗЯИН ПОЛЯ БИТВЫ

Разговор происходил в воронке от авиабомбы. Бойцы устроились здесь домовито. Ящики от снарядов изображали стол, лунки

по срезу воронки служили стульями. Над жестяным чайником еще дрожал пар.

Осторожно прихлебывая крутой кипяток, Василий Еремин говорил:

— На войне наук много: чай вскипятить незаметно для немца — и на это своя наука. Но самую важную науку мне война открыла, — наука называется самостоятельностью.

Фронт так же ошеломил Василия Еремина, как ошеломляет всех. Как и другим, во время первого артиллерийского обстрела трудно ему было подняться с земли, хотя снаряды рвались не очень близко.

Человек расторопный, он получил несколько замечаний за медлительность, — он не догадывался быстро укрыться от самолетов, не сразу начинал окапываться.

Его многому научили на пункте всевобуча в Новосибирске, но там все делалось по команде: «В укрытие!», «Окопаться!», «По противнику — огонь!» А здесь не было и не могло быть ежеминутных команд.

После ночи с артиллерийской канонадой утро пришло ласковое и спокойное. На осенней, легкой траве долго сверкала роса в лучах нежаркого солнца. Росой были покрыты и колосья снопов на поле.

— Кто тут жнет? — спросил Еремин бойца из чужой части и очень удивился, услышав ответ:

— А ра
цы-артилле

Налетел
заглянула
был тяжел
ся, что он
смерти. Са
мысль, ко
сильнее с

В свое
другие пр
Еще рань
бел. Ерем
ходили не
декламира
требовала:
Еремин по
нить, и те
тели.

Один б
Еремина. С

— Пож
не очень

Еремин
действия а
шютисты?
особенно
ка требуе
тельности:
тальяном,
время оди

— А разве по работе не видно? Гвардейцы-артиллеристы.

Налетели немецкие самолеты. Опять война заглянула молодому бойцу в глаза. Взглядее был тяжел. Еремин выдержал его и убедился, что он не струсит перед лицом самой смерти. Самостоятельности! Вот слово, вот мысль, которая овладевала Ереминым все сильнее с течением дней.

В своей военной подготовке он нашел и другие пробелы, но главное было в этом. Еще раньше, в школе, чувствовался этот пробел. Еремин окончил десятилетку. В лес они ходили не иначе, как всем классом, и даже декламировали все больше хором. А война требовала: умей действовать самостоятельно. Еремин понял это, старался другим объяснить, и теперь у него уже были последователи.

Один боец в воронке усомнился в правоте Еремина. Он сказал:

— Пожалуй, против нынешней техники ты не очень свою самостоятельность докажешь.

Еремин даже рассердился: а разведка? а действия автоматчиков в тылу врага? а парашютисты? Именно теперь самостоятельность особенно необходима. Даже личная маскировка требует от каждого не малой изобретательности: в атаку на танк не пойдешь батальоном, танк всех перемелет, а в то же время один боец умело бросит бутылку сто-

рючей смесью — и танк со всем его мощным вооружением уничтожен.

Ошибаются те, кто возлагает все надежды на бомбы, пушки и пулеметы, а сам идет в атаку, не стреляя метко. С полным убеждением Еремин сказал:

— Пусть танки идут впереди, пусть самолеты бомбят немцев, — пыль столбом, пусть вместе с тобой идет в атаку тысяча человек, — все равно ты не забывай свою трехлинейную. Ты из-за своей кочки увидел немца, а пулеметчик, может быть, его не видит. Воюешь в обороне — камнем врастай в свой окопчик, не ошибешься; в наступление идешь — вперед успевай: и пуля, и штык, и граната идут в дело.

* * *

Ночью они лежали на переднем крае у опушки леса. Наш бронепоезд открыл огонь через лес частыми снарядами. Выворачивались наизнанку немецкие траншеи и блиндажи. Немцы открыли ответную пальбу из орудий. Все кругом стонало. Кажется, именно при такой канонаде мог бы почувствовать себя человек песчинкой перед лицом урагана. Но Еремин знал, что он не песчинка, что ураган — дело его рук. Он бил из своей винтовки, и лесное эхо повторяло не только тяжелые удары орудий, но и винтовочные выстрелы, похожие на стук дятла,

Немцы в
ши позиции:
их силуэты
это была не
мина лежали
стал стрелят
другой, пока

На опуш
восьми наш
теро, но не
уползли. Ми

И вот ту
был хозяином
приметил, чт
ближнего д
пополз впер
и тотчас от
успевшим до
значит само
вость бойца.

Весь день
вого боя. К
бойцы, ни
жаются.

Вот он ка
к нему про
знал. Уклады
говорил, что
узнать все о
ночью.

Нас подни

Немцы выползали из щелей и шли на наши позиции: в отблеске пожаров были видны их силуэты — шли подрывать бронепоезд: это была не первая попытка. В окопчике Еремина лежали две самозарядные винтовки. Он стал стрелять попеременно то из одной, то из другой, пока не накалялся ствол.

На опушке стали рваться мины. Скоро из восьми наших бойцов в строю остались пятеро, но немцы не добрались до леса. Они уползли. Многие из них громко стонали.

И вот тут-то обнаружилось, что Еремин был хозяином поля битвы. Он видел все. Он заметил, что немецкие солдаты, вылезшие из ближнего дзота, не вернулись туда, и он пополз вперед, без выстрела занял укрепление и тотчас открыл огонь по немцам, еще не успевшим добраться до своих щелей. Вот что значит самостоятельная воля, предприимчивость бойца.

Весь день этот дзот был в центре огневого боя. К нему не могли подойти ни наши бойцы, ни немцы, и сейчас бой продолжается.

Вот он какой, Еремин. Теперь уважением к нему прониклись и те, кто вовсе его не знал. Укладываясь в воронке спать, каждый говорил, что утром обязательно надо разузнать все о Еремине. Но узналось все еще ночью.

Нас поднял негромкий разговор. У края

воронки стояла собачья упряжка. На низкой четырехколесной тележке лежал человек; его забинтованная нога белела в лунном свете. Это и был Еремин.

Кто-то из бойцов присел на корточки, дал приятелю закурить и сказал осторожно:

— Осколком задело? Все-таки нашел ты свою мину.

— Осколком, — ответил Еремин. — А ведь ранило меня не там, не впереди, а в лесу, когда я уходил. Немцы, которых я нашел, уже никого не тронут. Вот еду в карете и думаю: если бы каждый воевал самостоятельно, может быть, и этого немца уже «нашел бы» кто-нибудь. Ну, да ладно, найдут. Да и сам я скоро вернусь, спуску не дам.

Санитар понукнул собак. Лайки, лежавшие и сидевшие на траве, влегли в упряжку и бесшумно побежали по тропинке. Слышалось только их частое дыхание.

Вст. пление.
Вадим С
Борис Го
Вадим Ко
Вас. Грос
С. Круши

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Вст. пление. Генерал-майор <i>Н. Пронин</i>	3
Вадим Собко — Огневое крещение	13
Борис Горбатов — Алексей Куликов, боец	21
Вадим Кожевников — Рождение воина	39
Вас. Гроссман — Бывалый боец	50
С. Крушинский — Хозяин поля битвы	57

Редактор С. Морозов

Подписано к печати 13/VII 1943 г.
Л40211. 2 печ. л. (2,2 уч.-изд. л.)

31300 зн. в печ. л.

Тираж 25 000 экз. Зак. 885

Цена 70 коп.

Ф-ка юн. книги изд-ва ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия».
Москва, ул. Фридриха Энгельса,
д. 46.

18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1

14

Цена 70 коп.

9266

— 7 АВГ 1943

